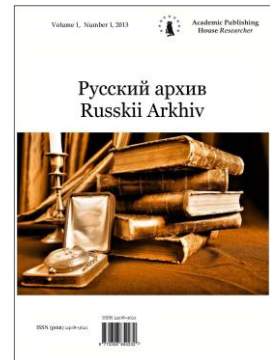

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2018, 6(1): 45-71

DOI: 10.13187/ra.2018.1.45
www.ejournal16.com

Publications of Sources

In Sukhanovo Prison. From the Memoirs of I.A. Makhanov. Part 2

Preparation for publication and introductory article

Igor O. Tyumentsev ^{a, *}

^a Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russian Federation

Comments

Alexander D. Vyatkin ^b

^b Free researcher

Abstract

A fragment of prison memoirs of chief designer of Kirov factory of artillery weapons I.A. Makhanov is presented in the article. The memoirs were not published yet. Until recently memoirist was presumed dead in Stalin's torture chambers, but as it turned out, he survived and even described in details his prison odyssey. As a Bolshevik-Leninist from the “children of the revolution” generation he got good education, took one of the key positions in the military industrial complex of the USSR, and was well received in the highest echelons of power in Soviet Russia. Through access to information, including classified materials, he viewed firsthand the events occurred in the country. Presented fragment gives overview of his memoirs and describes the imprisonment of I.A. Makhanov in Sukhanovo, which was almost unknown until today.

Keywords: Stalinism, military industrial complex, character of repressions, the case of Tukhachevsky, behaviors in Sukhanovo prison, meeting with prisoners.

Сколько времени продолжалось это состояние абсолютной потери зрения и воспаления всего кожного покрова, я так и не узнал. Но зрение стало постепенно ко мне возвращаться, а тело продолжало гореть, и при малейшем движении я чувствовал нестерпимую боль. Постепенно я стал приходить в себя на продолжительное время, и зрение ко мне вернулось полностью. Медсестра уже прекратила непрерывное наблюдение у постели больного и только периодически являлась для принятия лекарств и больничного питания. Кожа моя была еще воспалена и не позволяла шевелиться и двигать руками и ногами. Следствие, очевидно, было недовольно моим состоянием и, не ожидая состояния, когда я

* Corresponding authors
 E-mail addresses: tijumencev@mail.ru (I. Tyumentsev)

мог бы встать и ходить, явилось в мою камеру в лице майора госбезопасности с забытой фамилией и Родоса, а также начальника тюрьмы капитана¹ ИONOва. Последний обратился ко мне с вопросом:

– Можете ли Вы разговаривать и отвечать на вопросы?

Я ответил, что могу. Тогда начальник тюрьмы обратился к майору госбезопасности и заявил ему, что он разрешает разговор не более 5 минут, по заключению врача. Допрашивавший меня майор задал мне такой вопрос:

– Намерен ли арестованный дальше продолжать «усиленный допрос», базируясь на своем отказе признать свою виновность в участии в антиправительственном заговоре Тухачевского? При этом надо иметь в виду, что вторая фаза «усиленного допроса» будет еще более жестокой, чем первая.

Я подумал, взвесил все «за» и «против», и пришел к выводу, что лучше быть расстрелянным, чем дальше подвергаться системе сталинских пыток, и ответил, что я признаю себя виновным в том, в чем меня обвиняют. У меня язык не поворачивался конкретизировать виновность. Тогда Родос сказал, что нам этого достаточно. Мы не будем арестованного тревожить до полного выздоровления.

Следователи ушли, а начальник тюрьмы капитан Ионов остался и попросил надзирателя вызвать врача. Когда пришел врач, капитан Ионов приказал усилить лечение и питание. Врач удался, но капитан Ионов еще раз остался и заявил мне, что сегодня вечером в мою камеру придет для переговоров со мной заместитель наркома комиссар госбезопасности [Л.Е.] Влодзимирский², и Вы имеете шанс ослабить давление на Вас следователей из контрразведки, так как в этой тюрьме заместитель наркома комиссар госбезопасности Влодзимирский имеет особые полномочия. На этом капитан Ионов оставил мою камеру.

Я стал ждать наступления вечера, так как предстояло свидание с важной персоной, от которой зависело многое. Вечер наступил. Послышалось лязганье ключей, замка и открывание двери. В камеру вошел высокого роста, дородный и здоровенный дядя с тремя ромбами, в форме госбезопасности, и начальник тюрьмы, последний нес кресло для важной персоны, и как только поставил кресло около моего ложа, то сразу же вышел из камеры, и вошедший опустился в кресло:

– Да, Маханов, вот до какой жизни ты дожил, чуть-чуть не одел деревянный бушлат. Но теперь твое предварительное признание вины, которое в дальнейшем ты подтвердишь своей подписью, меняет положение. Мы не будем тебя усиленно допрашивать, а поправлять твое здоровье, и, может быть, еще до суда отправим тебя в Особое конструкторское бюро, где работает Туполев и некоторые твои знакомые артиллеристы-ученые и конструкторы. Я имею поручение Высшей инстанции (правительства) предложить тебе помогать нам в деле нового³ вооружения и сотрудничать с нами. Может быть ты настроен против нас так, что не захочешь сотрудничать с нами как конструктор по артиллерии?

Я ответил, что не отождествляю органы госбезопасности, творящие беззакония и произвол со всей страной и со всем правительством, и если мне будет предоставлена возможность, то я буду работать на благо Родины, партии Ленина и советского народа.

Влодзимирский:

– Ко мне обратился генерал-майор Савченко⁴ – начальник ГАУ⁵, которого Вы знаете хорошо, с просьбой проконсультировать его (Савченко) по некоторым техническим

¹ Слово вписано над строкой.

² Влодзимирский Лев Емельянович (Эмильевич) (1905–1953) – руководитель советских органов государственной безопасности, генерал-лейтенант (1945). Один из наиболее одиозных следователей НКВД, широко применявших методы физического воздействия и прямые убийства. Летом 1953 г. арестован и 23 декабря расстрелян.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Савченко Георгий Косьмич (Кузьмич) (1901–1941) – советский военный деятель и политработник, генерал-майор артиллерии (1940). Начальник Артиллерийского управления РККА, член Главного Военного Совета РККА. Расстрелян по личному указанию Л.П. Берии. В 1954 г. реабилитирован.

⁵ Главное артиллерийское управление РККА (ГАУ) ведало вопросами изготовления и хранения предметов артиллерийского довольствия, снабжения ими РККА, развития и усовершенствования артиллерийского вооружения.

вопросам, возникшим при освоении крупносерийного производства махановских пушек Л-10 и Л-11 для танков и ДОТов¹. Если Маханов этого пожелает, то Савченко пришлет все необходимые материалы, а я передам их тебе через начальника тюрьмы. Вопросы очень важные, и задерживают сдачу готовой продукции заводов в больших количествах.

Я ответил, что готов дать необходимую консультацию, как только здоровье мое позволит². А в данное время я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой.

Владзимирский:

– Будут приняты все меры, чтобы как можно скорее поставить тебя на ноги. Не падай духом, Маханов, не все еще потеряно. Поправляйся. Тебя перенесут в камеру, лучше оборудованную для специального лечения.

Действительно, в тот же вечер меня с чрезвычайной предосторожностью перенесли на носилках из монашеского корпуса по подземному ходу в следственный корпус в специальную камеру на³ первом этаже. Эта камера имела совершенно иной вид, не тюремный, а больничный. Она сообщалась боковой дверью с дежурной комнатой медицинского персонала и имела постель⁴ – не откидную крышку, а нормальную больничную кровать с тумбочкой и прочими принадлежностями. Меня действительно стали усиленно лечить. Появлялись врачи-консультанты по различным специальностям и давали советы тюремному врачу. Питание было также усиленное⁵, и для усиления аппетита мне впрыскивали в кровь алкоголь. Здоровье мое быстро восстанавливалось. Лечили также массажем и прочими процедурами.

И вот, как только я мог вставать и ходить по камере, ко мне явился новый следователь и объявил мне, что он, фамилия его Цветаев⁶, будет теперь вести мое следствие, как только закончится обязательный курс лечения, а пока он предложил мне подписать сделанное мною признание предыдущему следователю. Это признание, отпечатанное на машинке, гласило:

– Я, арестованный Маханов Иван Абрамович, признаю себя виновным в том, что был участником военно-заговорщической организации Тухачевского.

Я подписал это признание. О шпионаже не говорилось ни слова. Мне почему-то показалось, что Цветаев сочувствует мне и совсем не похож на следователя Родоса. Я спросил Цветаева, когда он собирался уходить, а если я потом откажусь от этого признания своей вины, так как оно получено в результате зверского истязания, что тогда будет?

Цветаев:

– Я не могу утверждать, но, вероятно, Вас вновь назначат на «усиленный допрос».

Теперь я обратил внимание, что Цветаев имеет звание всего только старшего лейтенанта.

Цветаев:

– Я имею указание руководства обратиться к Вашей жене в Ленинграде, чтобы Вам сделали вещевую передачу с зимними теплыми вещами. Какие вещи Вы хотели бы получить из числа опечатанных⁷ в Вашем кабинете?

Я назвал: костюм, теплое белье, сорочки, демисезонное коричневое пальто, меховую шапку, шарф, джемпер, перчатки, теплые носки, ботинки на каучуковой подошве и чемодан для вещей:

– Если Вы так хлопочете, чтобы меня вылечить и одеть, то можно считать, что расстреливать Вы меня не собираетесь? Не правда ли?

¹ Долговременная огневая точка (ДОТ) – отдельное малое фортификационное сооружение из прочных материалов, предназначенное для долговременной обороны и стрельбы различными огневыми средствами из защищенного помещения.

² Слово вписано над строкой по верху зачеркнутого слова. Далее добавлено «мне».

³ У автора «в».

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Куриный суп, курица, баранина с жареной картошкой, яйца, ветчина, сыр, сливочное масло, сахар до полного удовлетворения, фрукты: апельсины, мандарины и пр. – *Прим. И.А. Маханова.*

⁶ Сведений о нем найти не удалось.

⁷ В тексте «запечатанных».

Цветаев:

– Я не собираюсь, а как постановит Военная Коллегия Верховного Суда, неизвестно. Все будет зависеть от обвинительного заключения и доказанности обвинения. Одно могу твердо сказать Вам, что свободы Вам не видать, и не рассчитывайте на это. Старайтесь поскорее закончить следствие с тем признанием своей вины, которое Вы сделали, и приступить к работе в ОКБ¹ по своей специальности. Я Вам желаю только добра, как земляку ленинградцу, попавшему в ужасное положение. Как только закончится курс лечения, Вас переведут в Вашу прежнюю камеру, и я Вас вызову.

Он ушел, а я погрузился в размышления о том, как быть дальше. Скоро курс лечения будет закончен. Оставить ли свое ложное показание без изменения, или написать заявление, что это показание ложное, и дал я его только в результате зверского истязания? В следователе Цветаеве инстинктивно я чувствовал следователя² совершенно другого типа, и человека прежде всего. Я был очень доволен, что, может быть, я больше не увижу зверской морды Родоса, Аренкина³ и др. Это уже большое достижение.

Скоро мое здоровье поправилось настолько, что меня выдворили в мою одиночную камеру в б[ывшем] монашеском корпусе против моего желания, выглядевшую особенно мрачно после больничной камеры. Шел уже 1940 г. Как обещал Влодзимирский, начальник тюрьмы капитан Ионов принес для изучения материалы, присланные начальником ГАУ генерал-майором Савченко, касающиеся дефектов в противооткатном устройстве 76-мм пушек Л-10 и Л-11, выявленных на полигонно-сдаточных испытаниях контрольных партий серийного производства на Кировском заводе (б[ывшем] Путиловском). Я погрузился в изучение материалов, и это обстоятельство отвлекло мое внимание от мрачных размышлений.

Созданная мною пушка принята на вооружение Красной армии, в больших количествах изготавливается на родном заводе, и будет защищать любимый город Ленинград и, наверное, уже защищает от вторжения финнов. В это время война с финнами была в самом разгаре, об этом коротко сказал Цветаев, прорвав, таким образом, абсолютную изоляцию меня от внешнего мира. В исходе этой войны колосса с карликом-лилипутом у меня никаких сомнений не могло быть, и я ждал, что Финляндия будет еще одной союзной республикой в дополнение к трем прибалтийским республикам (Эстонии, Латвии и Литве).

Сознание того, что я могу в какой степени помочь устранить дефекты в серийном производстве Л-10 и Л-11, так необходимых для вооружения новых укрепрайонов на западной границе СССР, и ко мне обратились за этой помощью, поднимало мой дух и тонус, что я еще не выброшенный на свалку мусор. Мне надо было быть там, на месте, на производстве, чтобы вовремя принять меры к исправлению этих дефектов⁴, так как никого⁵ на заводе, знавших нутро этой конструкции до мельчайших нюансов, не осталось. Все мои ближайшие помощники (Амелькович⁶, Корб⁷ и Добряков⁸) сидели в тюрьме как завербованные

¹ Особом конструкторском бюро.

² Слово вписано над строкой.

³ Аренкин Павел Семенович (1906–1950) – сотрудник органов государственной безопасности. В рассматриваемый период – капитан (позже – полковник) госбезопасности, заместитель начальника следственной части Главного экономического управления НКВД СССР.

⁴ Далее одно слово зачеркнуто.

⁵ Слово вписано над строкой по верху зачеркнутого слова.

⁶ Амелькович Иван Ионикиевич (род. в 1906 г.) – старший инженер-конструктор СКБ-4 Кировского завода в Ленинграде. Арестован 27 августа 1939 г. как участник «военно-заговорщической организации».

⁷ Корб Евгений Августович (род. в 1908 г.) – старший инженер артиллерийского опытно-конструкторского отдела Кировского завода. Арестован 22 февраля 1938 г. как участник антисоветской организации, по заданию которой якобы проводил вредительскую работу в области конструирования артиллерийского вооружения. Приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 5 лет. После освобождения в системе МВД СССР разрабатывал артиллерийские установки для Военно-морского флота.

⁸ Слово вписано над строкой. Добряков Михаил Федорович (1900–1938) – инженер-конструктор группы И.А. Маханова на Кировском заводе. Расстрелян (Жертвы политического террора).

Махановым – резидентом Тухачевского на Кировском заводе. Так угодно было Сталину, и он решил, что Маханов уже не нужен для дела обороны, обойдутся и без него.

Финляндия¹, если бы Сталин не уничтожил в 1937–1938 гг. лучшие военные кадры, воспитанные Лениным, накопившие большой опыт и разработавшие теорию войны малой кровью (Тухачевский, Уборевич²), война с Финляндией была бы молниеносной прогулкой, подобно вторжению Гитлера в Чехословакию и Польшу. Другое дело, когда придется СССР столкнуться с военной машиной гитлеровской Германии, где по традиции и накопленному опыту генеральный штаб вермахта разрабатывает стратегический план и оперативно-тактические планы со скрупулезной точностью, где военная техника и тщательно обученные кадры (офицеры и солдаты) будут использованы наиболее рационально, с высоким коэффициентом полезного действия, внезапно и молниеносно. Тухачевский и Уборевич знали и видели эту подготовку насквозь, знали слабые места ее, тоже тщательно разрабатывали свои контрпланы, которые должны были нейтрализовать сильные стороны немецкого плана, и всей силой и мощью советской страны обрушиться на слабые пункты этих планов. Над этими планами немало потрудился и сделал свой вклад блестящий оперативно-тактический ум покойного т[оварища] Триандофилова³ (погибшего в авиакатастрофе с⁴ Барановым⁵). Наша военная техника (артиллерия, танки и авиация) в некоторых частях превосходила немецкую, а, в основном, не уступала ей. Стратегический и оперативно-тактический мозг Красной армии во главе с таким блестящим талантом и высокой культурой, как Тухачевский, и состоявший из таких же талантов, знатоков оперативно-тактического искусства, как Уборевич, который мог в любую минуту заменить Тухачевского, Егоров⁶, Корк⁷, Якир⁸, Эйдеман⁹, Седакин¹⁰, Блюхер¹¹, Белов¹², Каширин¹,

¹ У автора «Что Финляндия...»

² Уборевич Иероним Петрович (1896–1937) – советский военный и политический деятель, командарм 1-го ранга (1935). В 1931–1937 гг. – командующий войсками Белорусского военного округа. В мае 1937 г. назначен командующим войсками Среднеазиатского военного округа, арестован и 12 июня расстрелян по делу Тухачевского. Реабилитирован в 1957 г.

³ Триандафилов Владимир Кириакович (1894–1931) – советский военный теоретик, в своих работах заложил основы теории глубокой операции, осветил роль предвоенного периода и начального периода боевых действий для успешного хода войны. Трагически погиб 12 июля 1931 г. во время аварии самолета в районе платформы Алабино Западной железной дороги.

⁴ Далее одно слово зачеркнуто.

⁵ Баранов Петр Ионович (1892–1933) – советский военный и партийный деятель, заместитель наркома тяжелой промышленности и начальника Главного управления авиационной промышленности. Погиб 5 сентября 1933 г. в авиационной катастрофе под Подольском.

⁶ Слово вписано над строкой. Егоров Александр Ильич (1883–1939) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1935), начальник Генерального штаба РККА, первый заместитель наркома обороны СССР, кандидат в члены ЦК ВКП(б). В январе 1938 г. назначен командующим Закавказским военным округом. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁷ Корк Август Иванович (1887–1937) – советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935), начальник Военной академии РККА им. Фрунзе, член ЦИК СССР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

⁸ Якир Иона Эммануилович (1896–1937) – советский военный деятель, командарм 1-го ранга (1935). Командующий войсками Киевского и Ленинградского военных округов, член ЦК ВКП(б). Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

⁹ Эйдеман Роберт Петрович (1895–1937) – советский военный деятель, комкор (1935). Председатель Центрального совета Осоавиахима. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁰ Седакин Александр Игнатьевич (1893–1938) – советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). Начальник Управления противовоздушной обороны РККА, командующий войсками Бакинского района ПВО. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹¹ Блюхер Василий Константинович (1890–1938) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1935). Командующий войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта. Арестован, умер во время следствия в Лефортовской тюрьме. Реабилитирован в 1956 г.

¹² Белов Иван Панфилович (1893–1938) – советский военный деятель, командарм 1-го ранга (1935), член ЦИК СССР. Командующий войсками Московского и Белорусского военных округов. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

Путна², Федько³, Меженинов⁴, Алскнис⁵, Дыбенко⁶, Примаков⁷, Роговский⁸, Фельдман⁹, Халепский¹⁰, Бокис¹¹, Вострецов¹², Гарькавый¹³, Гиттис¹⁴, Геккер¹⁵, Дубовой¹⁶ и др. – имя им легион – вот кто мог дать и разработать достойный ответ Гитлеру с его генеральным штабом. Сталин всю эту верхушку Красной армии¹⁷ до основания срезал и оставил в качестве своей опоры группу кавалеристов-рубак, вроде Буденного¹⁸, невежественного Кулика¹⁹ –

¹ Каширин Николай Дмитриевич (1888–1938) – советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, начальник Управления боевой подготовки РККА. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

² Путна Витовт Казимирович (1893–1937) – советский военный деятель, комкор (1935). Военный атташе в Великобритании, в 1936 г. отозван, арестован по делу Тухачевского и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

³ Федько Иван Федорович (1897–1939) – советский военачальник, командарм 1-го ранга (1938), член ЦИК СССР. Командующий войсками Киевского военного округа, первый заместитель наркома обороны СССР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁴ Меженинов Сергей Александрович (1890–1937) – советский военный деятель и теоретик, комкор (1935). Заместитель начальника штаба РККА. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

⁵ Алскнис Яков Иванович (1897–1938) – советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). Командующий ВВС РККА, заместитель наркома обороны СССР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁶ Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) – революционер, советский политический и военный деятель. Командующий войсками Поволжского, Сибирского, Ленинградского военных округов, член ЦИК СССР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁷ Примаков Виталий Маркович (1897–1937) – советский военачальник, комкор (1935). Заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

⁸ Роговский Николай Михайлович (1897–1937) – советский военный деятель, комдив (1935). Начальник артиллерии РККА. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁹ Фельдман Борис Миронович (1890–1937) – советский военачальник, комкор (1935). Начальник Управления по начальствующему составу РККА, заместитель командующего войсками Московского военного округа. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁰ Халепский Иннокентий Андреевич (1893–1938) – советский государственный деятель, командарм 2-го ранга (1935). Нарком связи СССР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹¹ Бокис Густав Густавович (1896–1938) – советский военачальник, комдив (1935), начальник Автобронетанкового управления РККА. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹² Имя вписано над строкой. Вострецов Степан Сергеевич (1883–1932) – советский военачальник. Командир 9-го стрелкового корпуса. 3 мая 1932 г. застрелился в Новочеркасске.

¹³ Имя вписано над строкой. Гарькавый Илья Иванович (1888–1937) – советский военный деятель, комкор (1935). Командующий войсками Уральского военного округа. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁴ Имя вписано над строкой. Гиттис Владимир Михайлович (1881–1938) – советский военачальник, комкор (1935). Начальник отдела внешних заказов Наркомата обороны СССР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁵ Имя вписано над строкой. Геккер Анатолий Ильич (1888–1938) – советский военный деятель, комкор (1935). Начальник отдела внешних сношений Разведывательного управления РККА. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁶ Имя вписано над строкой. Дубовой Иван Наумович (1896–1938) – советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). Командующий войсками Харьковского военного округа. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁷ Два слова вписаны над строкой.

¹⁸ Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1935), трижды Герой Советского Союза. Один из создателей красной кавалерии. Командующий войсками Московского военного округа, первый заместитель наркома обороны СССР. Далее автором выделено место еще для одной фамилии, но она им не вписана.

¹⁹ Кулик Григорий Иванович (1890–1950) – советский военачальник, член ЦК ВКП(б). В 1939 г. – заместитель наркома обороны, командарм 1-го ранга. Звание Маршала Советского Союза ему присвоено в 1940 г. Арестован и расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

Маршала Советского Союза. Только маршал Борис Михайлович Шапошников¹ с его учениками Мерецковым² и Антоновым³ чудом уцелели от этой резни. Так обезглавить Красную армию, и это в такой ответственный момент, когда вермахт гитлеровской Германии как тигр приготовился к прыжку на Восток!

Договор о дружбе и ненападении⁴, заключенный Сталиным с Гитлером летом 1939 г., о котором мне стало известно тогда, когда я находился в «нежных объятиях» сталинской машины⁵, истреблявшей ленинские кадры⁶, не был бы заключен, если бы Сталин в качестве советников⁷ опирался на мыслящую просвещенную верхушку партии и Красной армии, а не на невежественную до кретинизма и лакейства группу подхалимов, оставшихся во главе партийного и военного⁸ аппарата⁹. Кому, как не Тухачевскому и Уборевичу, детально изучившим все тонкости и секреты германского генерального штаба, не стало бы очевидным, что политический шаг Гитлера, выразившийся в договоре о дружбе и ненападении, выполнял только замысел его генштаба о стратегии непрямого удара¹⁰ как преддверия к внезапному нападению на Советский Союз. Тухачевский и Уборевич разгадали бы этот маневр, а такие политические деятели, как Орджоникидзе¹¹, Рудзутак¹², Косиор¹³, Постышев¹⁴, Чубарь¹⁵, Межлаук¹⁶, Гамарник¹⁷ и другие удержали бы Сталина от столь трагического шага, стоившего десятков миллионов [жизней] русских людей, потери¹⁸ огромных материальных ценностей, территории, и поставившего под риск гибели всего дела

¹ Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) – советский военный и государственный деятель, военный теоретик, Маршал Советского Союза (1940). Начальник Генштаба РККА в 1937–1940 и в 1941–1942 гг. Кандидат в члены ЦК ВКП(б).

² Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968) – советский военачальник. В 1940–1941 гг. начальник Генштаба РККА, затем заместитель наркома обороны. Арестован 23 июня, освобожден 6 сентября 1941 г. Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза. Кандидат в члены ЦК ВКП(б).

³ Антонов Алексей Иннокентьевич (1896–1962) – советский военачальник, генерал армии. В 1942–1945 гг. – начальник Оперативного управления, а в 1945–1946 гг. – начальник Генштаба РККА.

⁴ Автор путает договоры о ненападении (подписан 23 августа 1939 г.) и о дружбе и границах (подписан 28 сентября 1939 г.) СССР с Германией.

⁵ Я знал хорошо о его подготовке еще до ареста – *Прим. И.А. Маханова.*

⁶ В тексте ленинских кадров.

⁷ Два слова вписаны над строкой.

⁸ Слово вписано над строкой.

⁹ Далее одно слово зачеркнуто.

¹⁰ Это свидетельствует о знакомстве автора с книгой английского военного историка Б.Х. Лиддела Гарта «Стратегия не прямых действий» (Лиддел Гарт, 1957).

¹¹ Слово вписано над строкой. Орджоникидзе Григорий Константинович (партийное прозвище Серго) (1886–1937) – советский государственный и партийный деятель. С 1930 г. – председатель Высшего совета народного хозяйства, затем нарком тяжелой промышленности. Член ЦИК СССР. Умер от сердечного приступа (по неофициальной версии – застрелился).

¹² Рудзутак Ян Эрнестович – (1887–1938) – революционер, советский государственный, партийный и профсоюзный деятель. Заместитель председателя СНК СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹³ Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939) – советский партийный и государственный деятель. Первый секретарь ЦК КП(б) Украины, заместитель председателя СНК СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б). Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁴ Постышев Павел Петрович (1887–1939) – советский государственный и партийный деятель. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁵ Чубарь Влас Яковлевич (1891–1939) – советский государственный и партийный деятель. Заместитель председателя СНК СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б). Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

¹⁶ Межлаук Валерий Иванович (1893–1938) – советский партийный и государственный деятель. Заместитель председателя СНК СССР, председатель Госплана СССР. Кандидат в члены ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁷ Гамарник Ян Борисович (1894–1937) – советский военачальник, государственный и партийный деятель, армейский комиссар 1-го ранга. В 1929–1937 гг. – начальник Политуправления РККА. Застрелился накануне ареста по делу Тухачевского. Посмертно объявлен «врагом народа». Реабилитирован в 1955 г.

¹⁸ Слово вписано над строкой.

революции. Объективно сам Сталин обеспечил Гитлеру осуществление его политического маневра (договор о ненападении), истребив те кадры, которые могли оказать противодействие договору. Гитлер и его советники знали это прекрасно. Так все¹ трагически² складывалось! Стала действовать сама логика трагических поступков Сталина и управлять им.

Изучив материалы ГАУ, пока меня не тревожили с допросами, я составил перечень конструктивных и технологических мероприятий для быстрого устранения дефектов в серийном изготовлении моих пушек Л-10 и Л-11 и передал его через начальника тюрьмы на имя Владимирского. Вскоре после этого я был вызван на допрос к ст[аршему] лейтенанту госбезопасности Цветаеву. Это была уже весна 1940 г. Кабинет Цветаева окном своим выходил не на церковь и территорию тюремного двора, а на сосновый лес, окружавший тюрьму. Окно было полуоткрыто (стекла были матовые армированные), видны были верхушки сосен, и свежий весенний³ аромат сосны и пробуждающейся природы врвался в кабинет. Это было так трогательно, что я, не сказав ни слова, впервые разрыдался. Я сидел на стуле в противоположном окну конце кабинета, а Цветаев расхаживал вдоль кабинета, одетый по-военному. Я по-прежнему был одет в свои живописные «заграничные» лохмотья и, по-видимому, больше был похож на урка⁴, чем на известного инженера-конструктора.

Цветаев стал внимательно изучать мои лохмотья, изредка высказывая некоторые сентенции:

– Да, когда-то эти лохмотья были роскошным костюмом, в котором Маханов щеголял по Западной Европе вместе со своими патронами Тухачевским, Уборевичем, Ефимовым и другими изменниками Родины!

Тут же взялся за телефон и позвонил начальнику тюрьмы капитану Ионову:

– Из Ленинграда прибыли вещи арестованного Маханова, пора их получить на Лубянке.

Цветаев:

– Да, Маханов, Вы⁵ чудом выскользнули из рук контрразведки и, вероятно, они бы Вас⁶ обработали еще до приговора, а приговоры у них, как правило, 6,5 [г] свинца в затылок. Теперь Вас допрашивает Особый отдел государственной безопасности, и так как Вы признали свою основную виновность как⁷ участник военно-заговорщической организации, то дальнейшее следствие пойдет быстрее и глаже. Но нам с Вами нужно составить окончательный протокол допроса, где Вы должны конкретизировать, в чем заключалась Ваша военно-заговорщическая деятельность на Кировском заводе, какие директивы Тухачевского антиправительственного характера Вы выполняли, и при помощи каких лиц на заводе, то есть, кто Вами был завербован в военный заговор. Итак, давайте приступим к работе. На Вашем лице я вижу удивление. В чем дело?

– Вы начинаете предъявлять мне те же требования конкретных вражеских дел, какие требовал и Родос. Я таких дел не знаю, а давать ложные показания, которые требовал Родос, я считаю, было бы оскорблением справедливого следствия, представителем которого я Вас считаю. Если Вы будете настаивать на конкретизации моего участия в организации, в которой я не состоял, требовать факты, а они могут быть только выдуманными, и [назвать] завербованных мною⁸ людей, которых я не вербовал, то я сегодня же напишу через начальника тюрьмы заявление на имя наркома об отказе от данного мною признания виновности в результате истязания⁹. Я не в состоянии бороться с этой машиной истязания и «фабрикой шпионов», которая называется контрразведкой, хотя я не младенец в вопросах

¹ Далее одно слово зачеркнуто.

² Далее зачеркнут союз «и».

³ Далее одно слово зачеркнуто.

⁴ Урка – вор, бандит.

⁵ Написано над зачеркнутым «Ты».

⁶ Написано над зачеркнутым словом.

⁷ Слово написано над зачеркнутым «в».

⁸ Два слова вписаны над строкой.

⁹ В тексте добавлено «меня».

военно-разведывательной деятельности и могу утверждать, что этот «босс» контрразведки Родос еще не видел настоящих шпионов ни одного, а обрабатывал и продолжает обрабатывать [и] фабриковать шпионов из совершенно невинных людей.

Цветаев:

– Ах, вот как, Вы хотите отказаться от своего основного признания, что Вы участник военно-заговорщической организации Тухачевского, а последний был еще к тому же шпион и не желаете давать дальнейших показаний о своей вражеской деятельности. Не правда ли, Маханов?

Я ответил:

– Да, не желаю.

Цветаев:

– Ну, тогда я докладываю об этом руководству, и мы передадим Вас опять в руки контрразведки. Она добилась у Вас основного признания, и пусть¹ рассматривает его. Одумайтесь, арестованный Маханов. Вы встаете опять на путь борьбы с советским следствием и не хотите разоружиться и раскаяться. Последний раз предупреждаю Вас и спрашиваю, будете ли Вы давать показания о конкретных делах, фактах Вашей вражеской и шпионской деятельности и завербованных Вами людях директивами Тухачевского.

Я ответил, что давать таких показаний не буду.

Цветаев:

– Тогда мы передадим Вас обратно Родосу. Уведите арестованного!

И меня увели. Как только я вошел в камеру, я стал требовать, чтобы пришел начальник тюрьмы, иначе я объявлю голодовку. Капитан Ионов пришел и спросил:

– В чем дело, арестованный?

Я ответил, что прошу мне дать лист бумаги и чернила с ручкой для того, чтобы написать заявление наркому об отказе от признания своей виновности, и что это признание было получено в результате ужасных истязаний. Капитан Ионов пытался меня отговорить от этого опасного шага, но видя мою непреклонность, принес все необходимое.

Я написал заявление² и передал его капитану Ионову. Состояние мое было ужасное, я дрожал от волнения, сердце мое билось так, что казалось оно или страница лопнет немедленно, или я сойду с ума. Как затравленный зверь метался я по камере в поисках какой-нибудь возможности покончить с собой, стал биться головой об столик, стул, об бетонные стены, чтобы чем-нибудь размозжить свою голову и уйти из этого кошмарного мира. Я видел, что все мои предположения о человечности Цветаева – это только мои иллюзии, это самообман. В конце концов, я так брякнулся об бетонный пол, что потерял сознание. Очнулся я уже на откидной крышке спального приспособления, и около меня был все тот же капитан Ионов и медсестра, приводившая меня в чувство. Затылок был основательно разбит, и голова была перевязана и забинтована. Когда я открыл глаза то, к своему разочарованию почувствовал себя совершенно здоровым, и ни на йоту не приблизившимся к желаемой смерти. Как трудно и почти невозможно умереть тогда, когда ты этого хочешь и находишься там, где все предусмотрено, чтобы арестованный не наложил на себя руки.

На следующий день меня вызвали в следственный корпус, на этот раз в более роскошный кабинет, где за письменным столом сидел майор госбезопасности Соколов³ и рядом с ним стоял Цветаев.

Майор госбезопасности⁴ Соколов⁵:

– Арестованный Маханов, Ваше заявление с резолюцией наркома вот, в моих руках и мы Вас допрашивать не будем, и передаем Вас в контрразведку. Отсюда Вы в свою камеру не попадете, а Вас отведут в церковь, откуда несколько месяцев тому назад Вас принесли в

¹ В тексте добавлено «...она и».

² Далее одно слово зачеркнуто.

³ Как потом он отрекомендовался – непосредственное начальство над Цветаевым – *Прим. И.А. Маханова.*

⁴ С одним ромбом – *Прим. И.А. Маханова.*

⁵ Соколов П.Я. (1908–?) – полковник госбезопасности, руководил детскими исправительными колониями (Лубянка 1917–1960, 1997: 69)

состоянии «за пять минут до смерти». Вы подвергнитесь вновь «усиленному допросу». Уведите арестованного!

Меня, с забинтованной головой, в тех же лохмотьях, повели через двор, в тот ад пыток и человеческих страданий, который назывался парадоксально храмом Божьим – церковью, и где я уже побывал и получил боевое сталинское крещение. Теперь, вероятно, получу сталинское причастие и панихиду, ведь он в молодости готовил себя в священники. Правда, еще в семинарии он проявил свой сатанинский характер, никак не соответствующий сану священника, и он был исключен из семинарии.

Вот я уже шагаю по главному залу¹ церкви, и меня водворили в камеру на первом этаже. В довольно обширной² камере я обнаружил трех сокамерников. Один из них³ выглядел очень похожим на великого физика Альберта Эйнштейна⁴, или может быть на Эмануэля⁵ Ласкера⁶, того и другого мне привелось видеть в Германии в штреземановские времена⁷. Так же, как и они, он носил большую седую шевелюру и седые усы. Он первым отрекомендовался:

– Зеликсон⁸, инженер, работник Госплана СССР, член ВКП(б) с дореволюционным стажем, обвиняют меня в участии в правотроцкистской оппозиции, в которой я абсолютно не участвовал и до сих пор не признаю себя виновным. Нахожусь в этой камере в ожидании какого-то истязания, которое обещали следователи из контрразведки, и которое я хочу все же испытать и посмотреть, что из этого получится. Образование я получил до революции за границей в Бельгии, где окончил политехнический институт в Льеже⁹. Пытались мне пришить бельгийский шпионаж, но потом отказались, очевидно, за ненадобностью.

Тов[арищ] Зеликсон выглядел очень бледным, но достаточно бодрым духом и телом. Занимался в камере систематически физзарядкой и холодными обтираниями всего тела во время утреннего и вечернего туалета. Как выяснилось, тов[арищ] Зеликсон был близок с бывшим председателем Госплана СССР тов[арищем] В.И. Межлауком и считался последним крупнейшим специалистом и теоретиком¹⁰ государственного планирования, особенно в области энергетики. Журнал «Плановое хозяйство»¹¹ за последние годы опубликовал целый ряд научных работ т[оварища] Зеликсона в области энергетики. Эрудиция ученого и высокая культура т[оварища] Зеликсона были очевидны для меня при более близком знакомстве с ним. Когда я рассказал ему мою историю, приведшую меня в эту камеру, он вспомнил мою фамилию по рассказам Валерия Ивановича Межлаука, и пожалел, что так трагически оборвалась жизнь этого талантливого и очень культурного государственного деятеля с эрудицией ученого и инженера – воспитанника Ленина. По его рассказам и по ходу следствия Зеликсона было указание о том, что В.И. Межлаук приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. По словам т[оварища] Зеликсона, Советский Союз очень беден такими просвещенными большевистскими кадрами, и даже это не может удержать

¹ Бывший центральный придел церкви – Прим. И.А. Маханова.

² Два слова вписаны над строкой.

³ Далее зачеркнуты имя и фамилия.

⁴ Эйнштейн Альберт (1879–1955) – физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике, общественный деятель-гуманист.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Ласкер Эмануэль (1868–1941) – немецкий шахматист и математик, представитель позиционной школы, второй чемпион мира по шахматам (1894–1921).

⁷ Автор имеет ввиду канцлерство Г. Штреземана (1878–1929) – немецкого политика, рейхсканцлера и министра иностранных дел Веймарской республики.

⁸ Зеликсон Григорий Лазаревич (1892–1938) – начальник планово-производственного отдела 1-го Государственного подшипникового завода. Арестован 26 сентября 1937 г., расстрелян 26 апреля 1938 г. Свидетельство И.А. Маханова говорит о том, что либо он не был расстрелян и в 1940 г. оставался жив, либо это какой-то другой Зеликсон.

⁹ Город в Бельгии.

¹⁰ Слово вписано над строкой.

¹¹ Журнал «Плановое хозяйство» – издание Госплана СССР. В нем освещались вопросы теории и практики планового хозяйства, государственного регулирования экономики, ценообразования.

кремлевского Владыку и «шахиншаха»¹ СССР от уничтожения кадров неудобных его светлости, не раболепствующих, и не ползающих перед ним.

Второй сокамерник был² того же возраста, что и т[оварищ] Зеликсон, то есть около 60 лет, и внешне резко от него отличался. Несколько ниже ростом, но коренастее. На голове не только не было львиной гривы Зеликсона, но и не было никаких признаков растительности. Черты лица явно свидетельствовали о его принадлежности к одной из этнографических формаций, осевших на Кавказе. Он так отрекомендовался мне:

– Зовут меня Чингиз, а фамилия Ильдрым³, и держу пари, что Вы не отгадаете мою национальность.

В ответ на это я, как мне казалось, перечислил и перебрал все национальности Кавказа и пари проиграл. Оказывается, по национальности он курд из советской части Курдистана. Он продолжал дальнейшее ознакомление со своей персоной так:

– По образованию я инженер-металлург и окончил Санкт-Петербургский политехнический институт по металлургическому отделению еще до Октябрьской революции. В советской зоне Курдистана пока я являюсь единственным курдом, получившим высшее образование, но я там уже не живу со времени поступления студентом в Политехнический институт – хорошее⁴ детище графа [С.Ю.] Витте⁵. И вот, единственное детище Курдистана, приобщившееся к цивилизации и ставшее в глазах своего народа своего рода кумиром, оказалось вот в этой омерзительной тюрьме – личной собственности другого детища Кавказа, приобщившегося к восточному деспотизму в самом худшем смысле этого слова.

Я, как и Вы, ожидаю в этой камере очередного истязания, так как, видите ли, кремлевскому «царю всех царей» угодно, чтобы Чингиз Ильдрым, которого он знает, как облупленного, дал показания на себя и на Серго Орджоникидзе, что мы оба принадлежали к правотроцкистскому блоку Троцкого – Рыкова – Бухарина – Пятакова⁶, а затем меня придушить, и очернить светлую память верного ленинца Серго Орджоникидзе. Я Вам еще не сказал, что как старый инженер-металлург я работал начальником строительства Магнитки⁷ и Кривого Рога⁸ и являлся как бы личным представителем тов[арища] Серго на этих стройках, имея широкие полномочия для ускорения строительства. По заданию Серго я совершил две поездки в США для изучения дела строительства больших металлургических комбинатов в США и для привлечения крупнейшей американской фирмы «Морган инджиниринг Корпорэйшен»⁹ к поставке крупного металлургического оборудования и технической консультации по проектам¹⁰ Магнитки и Кривого Рога. Эти командировки дают повод следственной машине Сталина добиваться от меня показаний о шпионаже в пользу США.

Я уже нахожусь под следствием 3 года и кочую из одной тюрьмы в другую, но с каждым разом последующая тюрьма ужаснее предыдущей, и на финише ужасов я оказался в

¹ Шахиншах или шаханшах – древний персидский, позже иранский монархический титул мидийского происхождения, соответствующий европейскому титулу императора.

² В тексте «выглядел».

³ Ильдрым Чингиз (1890–1938) – советский инженер-металлург, заместитель начальника строительства Магнитогорского металлургического комбината, позже заместитель начальника комбината «Криворожстрой».

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, граф, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906).

⁶ Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937) – советский партийный и государственный деятель. Заместитель председателя ВСНХ СССР в 1923–1927, 1931–1932 гг., первый заместитель наркома тяжелой промышленности СССР в 1934–1936 гг. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

⁷ Металлургический комбинат в г. Магнитогорск Челябинской области.

⁸ Кривой Рог – город областного значения в Днепропетровской области Украины.

⁹ Мировой лидер в производстве оборудования для обработки материалов в металлургической промышленности.

¹⁰ Слово вписано над строкой.

архичудовищном «приюте» Сталина – в Сухановке, где, очевидно, и закончится мой шестидесятилетний жизненный путь.

Я Сталина хорошо знаю. Он приложил свою преступную руку¹ к самоубийству Серго Орджоникидзе². Я не оговорился, а знаю точно, что перед Серго стояла дилемма: пустить пулю в башку Сталина, или себе. Он решил, что будет меньше вредно для дела революции пустить пулю в свою голову, и так и сделал. После этого самоубийства я понял, что судьба всех нас, работников Наркомтяжпрома³, близких людей к Серго Орджоникидзе, решена, и тот, кто не успеет пустить пулю в лоб, тот будет арестован. Ему пустят пулю не в лоб, а в затылок! Ваш директор Путиловского завода Отс⁴ успел это сделать, [А.Д.] Пудалов⁵ – председатель научно-технического совета Наркомтяжпрома – повесился в самом Наркомтяжпроме. А вот мы, металлурги-строители металлургических комбинатов, не успели это сделать и попали на следствие в таком составе: Весник⁶, Кутель⁷, Франкфурт⁸, Гвахария⁹ и Ильдрим.

Всех нас загоняет в могилу один из наших соратников по строительству инж[енер И.П.]¹⁰ Бардин¹¹, ставший советником и близким человеком Сталину. Сказать, что инж[енер] Бардин просто доносчик и стукач, это была бы слишком мягкая характеристика. Бардин не просто доносит Сталину о вредительстве на той или иной стройке металлургии, а разрабатывает и дает в оформленном виде состав преступления, виновников и свидетелей¹² обвинения, и по его схеме уже ведется следствие. Искусство Бардина доведено им до совершенства – шагать по трупам своих товарищей, которые¹³ так много хорошего для него лично сделали, и строить на этом свою карьеру и благополучие. Бардин тонко разобрался в натуре Сталина, полной подозрительности и способность¹⁴ видеть в людях только плохое¹⁵.

Со мной лично у Сталина особые счеты, так как до начала первой пятилетки мне пришлось долго работать в Закавказье (Баку) под руководством Сергея Мироновича Кирова¹⁶, и до него. С тех пор, как судьба Сергея Мироновича Кирова так трагически закончилась в Ленинграде в Смольном, в здании, где зародилась советская власть, и как пущена была версия, что Николаев¹⁷ убил Кирова из ревности, у меня, знавшего Сталина и

¹ Слова «он приложил свою преступную руку» вписаны над строкой поверх зачеркнутого слова.

² Я останавливаю Ильдрима и спрашиваю его, не оговорился ли он на счет самоубийства Серго. Официально было объявлено, что умер от болезни почек и прочее – *Прим. И.А. Маханова*.

³ Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР.

⁴ Отс Карл Мартович (1892–1937) – советский государственный и хозяйственный деятель. В 1930–1936 гг. – директор завода «Красный путиловец» (с 1934 г. – завода им. С.М. Кирова), в 1937 г. – начальник строительства Челябинского тракторного завода имени И.В. Сталина.

⁵ Пудалов Александр Дмитриевич (1881–1937) – советский государственный и хозяйственный деятель. В 1933–1937 гг. – заместитель наркома и председатель технического совета наркомата тяжелой промышленности СССР.

⁶ Весник Яков Ильич (1894–1937) – основатель и первый директор «Криворожстали».

⁷ Кутель Лейб Гершович (1914–1938) – арестован и расстрелян по сфабрикованному обвинению в антисоветской деятельности.

⁸ Франкфурт Сергей Миронович (Соломон Меерович) (1888–1937) – начальник строительства Кузнецкстроя, первый директор Кузнецкого металлургического комбината. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁹ Гвахария Георгий Виссарионович (1901–1937) – революционер, государственный деятель, директор Макеевского металлургического завода. Арестован и расстрелян.

¹⁰ Слово вписано над строкой.

¹¹ Бардин Иван Павлович (1883–1960) – советский металлург, академик и вице-президент АН СССР, Герой Социалистического Труда. С 1937 г. – на руководящих постах в черной металлургии.

¹² Слово вписано над строкой.

¹³ Слово вписано над строкой.

¹⁴ Слово вписано над строкой.

¹⁵ Далее повтор: «и на этом Бардин строит свою политику».

¹⁶ Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) – советский государственный и политический деятель. Первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), член Политбюро ЦКП ВКП(б) и Президиума ВЦИК СССР. Убит Л.В. Николаевым.

¹⁷ Николаев Леонид Васильевич (1904–1934) – партийный функционер и мелкий служащий, в 1934 г. – безработный. 1 декабря 1934 г. застрелил Кирова в Смольном. Расстрелян.

его душу, зародилось подозрение, что Сталин убрал Кирова со своего пути, считая его слишком блестящей и популярной фигурой в партии и народе, чтобы затмить его, Сталина, жалкую фигуру. Подобные подозрения раздирали душу честнейшего большевика-ленинца Серго Орджоникидзе, которого Сталин тоже, в конце концов, убрал со своего пути. И как только судьба Н.И. Ежова, этого слепого орудия в руках Сталина, была решена назначением заместителя к нему такого авантюриста, как Берия, стало совершенно ясным, что будет всеобщая расправа со старыми большевистскими кадрами, во всех областях политической и хозяйственной жизни Советского Союза и, особенно, с закавказскими старыми большевиками. [Они] знали [реальную] роль Сталина [в революционном движении] в Закавказье, и кто такой Берия, написавший книгу деятельности¹ Сталина в Закавказье², полную лжи и фальсификации. Берия никогда не был большевиком, он был одним из головорезов партии грузинских националистов и расстреливал большевиков в первые годы революции, во времена меньшевистской Грузии. Как только он стал правой рукой Сталина, он начал расправу со старыми большевиками в Грузии, Армении и Азербайджане (Баку). Особенно он отличился в Армении, где кровавую расправу он начал с того, что лично застрелил первого секретаря ЦК партии Армении тов[арища] Ханджяна³, а затем последовала расправа со всеми старыми большевиками Армении. Такие же кровавые расправы были учинены в Тбилиси и Баку. Все остальные старые большевики Закавказья, и особенно соратники Кирова, рассеявшиеся по всему Советскому Союзу, были схвачены, в том числе и Ваш покорный слуга Чингиз Ильдырым, так чтобы абсолютно не было свидетелей сталинской лжи о его выдающейся роли в Закавказье⁴ и преступного прошлого Берии.

То, что рассказал Чингиз Ильдырым о будущем академике Бардине, что он строил свою карьеру при помощи Сталина на костях своих товарищей по строительству металлургических комбинатов, косвенно касалось и меня, так как Бардин, будучи членом Правительственной комиссии по расследованию причин отрыва казенника у новой 100-мм зенитной пушки Маханова (Л-6), усматривал в этом случае прямое вредительство со стороны металлургов Кировского завода, и косвенно с моей стороны. Об этом эпизоде в моей работе я более подробно писал выше.

Что касается лживой книжонки, написанной палачом Берией о выдающейся роли Сталина в революционном движении в Закавказье, и предания забвению таких действительно выдающихся революционеров-большевиков, как [С.Г.] Шаумян⁵ и [П.А.] Джапаридзе⁶, расстрелянных в числе 26 комиссаров англичанами в Красноводске⁷, я знал еще до ареста. По этому вопросу я был свидетелем, как Серго Орджоникидзе распекал и обвинял во лжи Берию⁸ за эту злосчастную книжонку, а Берия стоял перед сидящим Серго, как школьник, нашкодивший на уроке. В этот момент я был немедленно вызван в кабинет Серго Орджоникидзе по очень срочному делу, и секретарь Семушкин⁹ ввел меня в кабинет, не ожидая выхода из него Берии. Серго пригласил меня сесть в кресло, тогда как Берия стоял, и сказал:

¹ В тексте у автора повтор: «о роли».

² Имеется в виду доклад на Тифлисском партактиве 21–22 июля 1935 г. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (Берия, 1935).

³ Ханджян Агаси Гевондович (1901–1936) – первый секретарь ЦК КП(б) Армении в 1930–1936 гг.

⁴ Слова «о его выдающейся роли в Закавказье» вписаны над строкой.

⁵ Шаумян Степан Георгиевич (1878–1918) – политический деятель, один из руководителей революционного движения на Кавказе, журналист. В 1918 г. – председатель Бакинского Совета народных комиссаров и комиссар по внешним делам. Расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров.

⁶ Джапаридзе Прокопий Апраксионович (партийный псевдоним – Алеша) (1880–1918) – комиссар внутренних дел и продовольствия Бакинской коммуны. Расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров.

⁷ В тексте ошибочно: «в Баку». Решение о казни бакинских комиссаров приняло эсеро-меньшевистское Закаспийское временное правительство.

⁸ Тогда он был еще только секретарем ЦК компартии Грузии и готовился к прыжку в Москву – *Прим. И.А. Маханова.*

⁹ Семушкин Анатолий Дмитриевич (1898–1938) – работник Наркомата тяжелой промышленности СССР. Арестован и расстрелян.

– Садись, Маханыч, а Берия пусть постоит, такая у нас в Грузии традиция, молодые стоят в присутствии старших. Берия, весьма смущенный и очень злой, стоял почти на вытяжку, пока мы разговаривали с Серго.

Третий сокамерник был очень мрачного вида, высокого роста человек, лет на 40, то есть моего возраста, и сидел на своей койке, не проявляя никакого желания отрекомендоваться и познакомиться со мной. Чувствовалось, что между ним и двумя старыми большевиками Зеликсоном и Ильдрымом были натянутые холодные отношения. В конце концов, я сам проявил инициативу, и так как к этому времени я все рассказал о себе Зеликсону и Ильдрыму, и все это слышал третий сокамерник, то знакомство состоялось, и лед был сломан. Он, если и не все рассказал о себе, но главное рассказал.

Оказалось, как я уже заметил до этого, что он из военных, судя по остаткам обмундирования на его плечах, но он был на службе в органах госбезопасности. Фамилия его Березовский¹, и по образованию юрист, а работал до ареста прокурором по надзору за следствием в одном из управлений НКВД в Москве. Арестован и находится под следствием с начала 1939 г. по делу бывшего наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова. Следствием он доведен до такого состояния, которое граничит уже с сумасшествием. По ночам он часто вскакивает (в этом я скоро убедился) с койки и в ужасе прячется под койку (в камере всегда горел яркий электрический свет), указывая на какие-то видимые только ему точки на потолке камеры, и говорит, это установлены подслушивающие аппараты. Они превратились у этого человека в манию преследования и не давали ему душевного покоя даже и днем. На мой вопрос, знал ли он, как прокурор надзора, о том, какими средствами и методами ведется следствие в органах госбезопасности, он ответил: да, знал, и считал, что это недопустимо, особенно в отношении таких арестованных, как теперь в отношении старых большевиков, командного состава Красной армии, и вообще в отношении честных тружеников, граждан СССР. Он допускал как чрезвычайно редкое исключение подобные методы в отношении настоящих шпионов, пойманных на месте преступления с вещественными уликами. Но то, что введено в обязательную практику следственных органов, да еще при массовых арестах, массовое избиение и истязание арестованных, приводящее явно к ложным показаниям на себя и оговаривающих других, не является самоуправством следственных органов, а предписано² высшими партийными и государственными³ инстанциями. В этом аспекте заслуживает внимания высказывание Березовским его личное⁴ мнение о виновности или невиновности Ежова как наркома.

По словам Березовского, когда следственные органы вели следствие по делам старых и молодых⁵ троцкистов, арестованных за участие не только в оппозиции, но и за подрывную деятельность, подпольную работу, распространение нелегальной литературы, все шло нормально, никто не избивался, и троцкисты даже бравировали на следствии тем, чем они занимались в троцкистском подполье, и не было никаких указаний свыше приписывать им шпионаж, вредительство и диверсии. Как правило, приговоры троцкистам были относительно мягкие. За самую активную подпольную деятельность видных троцкистов⁶ суд присуждал к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, а менее активные троцкисты даже не отдавались под суд, а в административном порядке высылались в определенные для них районы жительство. Все было законно, и никакого произвола, так как состав преступления был налицо и доказан уликами и свидетелями. Картина и сущность работы следственных органов резко изменились, когда были арестованы бывшие коммунисты по делу Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Пятакова, Радека⁷, Раковского¹ и др. Все они участвовали в

¹ Сведений об этом человеке найти не удалось.

² В тексте добавлено «свыше».

³ Два слова написаны над строкой.

⁴ Два слова написаны над строкой.

⁵ Написано над зачеркнутым словом.

⁶ Два слова написаны над строкой.

⁷ Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) – советский партийный и государственный деятель, журналист. Член исполкома Коминтерна. Арестован, приговорен к 10 годам лишения свободы, убит уголовниками в тюрьме. В 1988 г. реабилитирован.

оппозиции, так называемого право-троцкистского блока, и в начале к ним подходили также, как к троцкистам, фиксируя на следствии их принципиальные расхождения с генеральной линией партии, и никто в следственных органах и в руководстве, вплоть до Ежова, не заикались о высшей мере наказания для них, считая, что это было бы несправедливо. Но вот были получены указания от высших партийных и государственных инстанций, чтобы вести следствие в отношении [членов] право-троцкистского блока усиленными методами, предъявив к ним обвинение в шпионаже и измене Родине, ко всем участникам этого блока без исключений. За сопротивление этой директиве многие ответственные работники органов государственной безопасности были сняты со своих должностей, с понижением звания (категории) отправлены для административной² работы в лагерях с заключенными, как в ссылке.

В органах госбезопасности пошла усиленная обработка умов и технологии по линии партийной, с целью разъяснить и убедить работников, что такие лица как Зиновьев, Бухарин, Рыков и другие являются не только оппозиционерами, то есть инакомыслящими большевиками, а настоящими врагами народа, шпионами, диверсантами и изменниками Родины, и что в отношении их нет никаких ограничений в части применения самых сильных методов физического и морального давления в процессе следствия.

За этой идеологической обработкой кадров органов госбезопасности в 1937, 1938 и 1939 гг. последовали несколько волн массовых арестов партийных, военных и хозяйственных кадров, абсолютно не причастных ни к каким оппозициям. Прокуратура выдавала ордера на арест по первому требованию наркома внутренних дел, наркома обороны, секретарей ЦК и высшей инстанции в лице Сталина и Молотова, без предъявлений обвинений на арестуемых прокуратуре.

Таким образом, прокуратура перестала быть тем органом, каким она была при Ленине, независимым блюстителем законности. Дело Тухачевского, а с ним всей верхушки Красной армии, когда сразу одним махом были арестованы и преданы суду специальных судебных присутствий и военной коллегии Верховного Суда СССР тысячи командиров, начиная примерно с командиров полков до Маршалов Советского [Союза] включительно. Все мы допрашивались по новой системе усиленного следствия и оформлялись как немецкие шпионы и военные заговорщики, а военные коллегии, естественно, штамповали приговоры к высшей мере наказания – расстрел – или к тюремному заключению со строгой изоляцией с сроком до 25 лет.

Широким массам не было известно, что после убийства Кирова был принят закон от 1 декабря 1934 г. об увеличении сроков наказания до 25 лет, и об ускоренном судопроизводстве без обвинения и без защиты, без вызова свидетелей и без последнего слова подсудимого за преступления по ст. 58 Уголовного кодекса. Вот какие крутые перемены произошли, как в следственных органах госбезопасности, так и в судопроизводстве!

В годы массовых арестов 1937, 1938 и 1939 [гг.] производились систематически чистки органов госбезопасности, прокуратуры и судов от элементов неустойчивых, колеблющихся и сомневающих в правильности партийных и правительственных директив о новых методов следствия. Старые чекисты, работавшие при [Ф.Э.] Дзержинском³, [В.Р.] Менжинском⁴, [Г.Г.] Ягоде⁵, были все репрессированы и изолированы от органов госбезопасности. Последовавшая за волной массовых арестов армейских командных кадров (Тухачевского и

¹ Раковский (Станчев) Христиан Георгиевич (1873–1941) – партийный и государственный деятель, дипломат. Арестован и расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

² Слово вписано над строкой.

³ Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) – революционер, советский партийный и государственный деятель. Председатель ВЧК, ОГПУ, Высшего совета народного хозяйства СССР. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

⁴ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – советский партийный и государственный деятель, преемник Ф.Э. Дзержинского во главе ОГПУ (1926–1934).

⁵ Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938) – советский государственный и политический деятель, нарком внутренних дел СССР (1934–1936), генеральный комиссар государственной безопасности. Арестован по обвинению в организации «троцкистско-фашистского заговора» и расстрелян.

прочих), новая, еще большая волна массовых арестов старых большевиков, совершенно непричастных ни к каким оппозициям, как-то: Рудзутак, Косиор, Постышев, Енукидзе¹, Межлаук, Н. Куйбышев², Павлуновский³, Чудов⁴, Кадацкий⁵, Чубарь, Крыленко⁶, Комаров⁷, Лобов⁸ и военных: маршалы Егоров, Блюхер и другие, вызвала явное замешательство в руководстве и самом аппарате НКВД, не способных «переварить» бессмысленное истребление партийных и военных кадров, что и вызвало полную чистку всего аппарата госбезопасности, как в Москве, так и на периферии, и замену сотрудников грузинами. Все, признанные неустойчивыми, вроде меня, были арестованы и обвинены в измене Родине и истреблении кадров предыдущих волн. Эта печальная участь постигла и самого наркома Ежова с его «ежовыми рукавицами», а на место его встал Берия с новым, обновленным аппаратом из Грузии (Кобулов, Мамулов⁹ и Гоглидзе¹⁰). Я, Березовский, виновным себя не признаю, и пусть меня расстреляют, но я не дам показаний на Ежова, что это он учинил беззаконие и произвол в органах госбезопасности.

В этой камере, в ожидании повторного истязания¹¹, передо мною прошла в течение двух дней еще одна фигура, уже не арестованного, а заключенного. Его привезли из Унжлага¹² на очную ставку в Сухановку. Звали его Саша, фамилии его я не запомнил. Он ничего не рассказывал об этой очной ставке, но зато подробно рассказал о том, что представляет собой лесоповальный лагерь Унжлаг, где работает около 25 000 заключенных в нескольких лаг[ерных] отделениях и лаг[ерных] пунктах. Его информация сделала меня осведомленным об одном из вариантов моей дальнейшей судьбы, если меня не расстреляют.

В конце пребывания в камере, в ожидании второго тура истязаний, я обратился за консультацией к бывшему прокурору по надзору Березовскому о перспективе моего следствия, рассказав ему подробно весь ход следствия в тюрьме Сухановке. Он совершенно неожиданно для меня заявил, что второй тур истязаний – это миф, это только угроза для устрашения тебя. Раз они обратились к тебе за помощью по оборонным делам, и с тобой разговаривал по этому вопросу всеильный Влодзимирский, почти в такой же степени

¹ Енукидзе Абель Сафронович (1877–1937) – революционер, советский государственный и политический деятель. Член ЦК ВКП(б), секретарь ЦИК СССР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1959 г.

² Куйбышев Николай Владимирович (1893–1938) – советский военачальник, комкор (1936). Командующий войсками Закавказского военного округа. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

³ Павлуновский Иван Петрович (1888–1937) – советский государственный деятель, заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Кандидат в члены ЦК ВКП(б). Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁴ Чудов Михаил Семенович (1893–1937) – советский партийный и государственный деятель. Второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), член ЦИК СССР. Арестован и расстрелян. Посмертно реабилитирован.

⁵ Кадацкий-Руднев Иван Никитич (1889–1938) – флагман 1-го ранга, командующий Амурской Краснознаменной военной флотилией. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁶ Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) – советский государственный и партийный деятель. Нарком юстиции СССР. Арестован и расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

⁷ Комаров Николай Павлович (Собинов Федор Евгеньевич) (1886–1937) – советский партийный и хозяйственный деятель. Нарком коммунального хозяйства РСФСР. Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁸ Лобов Семен Семенович (1888–1937) – советский государственный деятель, член ЦИК СССР, член ЦК ВКП(б). Нарком лесной промышленности СССР, затем нарком пищевой промышленности РСФСР. Арестован и расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

⁹ Мамулов (Мамулян) Степан Соломонович (1902–1976) – деятель органов государственной безопасности, генерал-лейтенант (1945). Заместитель министра внутренних дел СССР (1946). В 1954 г. приговорен к 15 годам лишения свободы.

¹⁰ Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901–1953) – деятель органов государственной безопасности, генерал-полковник (1945). Кандидат в члены ЦК КПСС. Арестован по делу Л.П. Берии и расстрелян.

¹¹ В тексте добавлено «Меня».

¹² Лесоповальный лагерь на реке Унже, притоке Волги – *Прим. И.А. Маханова*. Унженский исправительно-трудовой лагерь на территории современных Варнаевского района Новгородской и Макарьевского района Костромской областей считался одним из самых страшных лагерей.

вхожий к Сталину, что и Берия, то дальнейший ход следствия уже предreshen. Им нет смысла истязать тебя. Ты им нужен. Я знаю весь механизм чудовищной машины следствия, и знаю, какие силы приводят его в движение и направляют его¹ ход. Это мне было известно до ареста, как прокурору надзора², и как арестованному, проходящему более тяжелое следствие. Советую тебе не терять самообладания, не поддаваться угрозам, и даже физическому давлению, шаг за шагом принуждать их к составлению объективного протокола допросов, без фальши, без лжи. Тебя будут сажать в карцер³, даже бить, но уже не так, как избивали и истязали до сих пор, а более мягко. Дело в том, что руководство НКВД уже знает о мере наказания для тебя. Они менять это не в состоянии. Ты будешь работать как раб в ОКБ НКВД в Большеве⁴, и свободы тебе не видать, если не случится какого-нибудь чуда. Я поблагодарил его за добрый совет, и мы расстались с ним как хорошие друзья.

Вскоре после этой консультации открылась кормушка, и надзиратель тихо спросил:

– Кто тут на МЫ?

Я ответил:

– Я!

Надзиратель:

– Выходи с вещами.

Березовский вдогонку сказал:

– Теперь я могу пари держать, что тебя не ведут в «пыточную»!

Да, Березовский был прав. Меня перевели из церкви в б[ывший] монашеский дом, в одиночную камеру. Так закончилась моя последняя экскурсия в церковь, где я познакомился с очень интересными людьми, страдающими и переносящими, очевидно, более тяжелое следствие, чем мое, и, несомненно, невиновными.

В тот же день меня вызвали на допрос к следователю Цветаеву. Но за письменным столом его, сидел майор госбезопасности Соколов, а Цветаев стоял рядом с ним.

Соколов:

– Арестованный Маханов, ваше лицо выражает такое спокойствие и решимость бороться с нами, что можно подумать о церкви, как о стимуляторе этого спокойствия и решимости. Вы забываете, что в церкви имеются и другие комнаты, чем та камера, в которой Вы находились несколько дней, как на курорте, и где Вас обработали махровые контрреволюционеры, настроив Вас на борьбу с нами⁵. Арестованный Маханов, объявляю Вам, что руководство поручило нам вести «усиленный допрос», не передавая Вас контрразведке (Родосу), если Вы настаиваете на своем отказе от предварительного признания Вашей виновности. Учтите, что я Вас не стращаю, не запугиваю, а предупреждаю, что «усиленный допрос» будет проводиться систематически, в точном соответствии с утвержденной руководством программой. Последний раз Вас спрашиваю, настаиваете ли Вы на своем отказе от предварительного признания своей виновности?

Я ответил, что настаиваю на своем отказе и заявляю, что признание виновным⁶ было получено истязанием, которое проводил Родос, чуть не избавивший меня от дальнейших допросов.

Соколов:

– Товарищ следователь, уполномочиваю Вас вести «усиленный допрос» со всей строгостью, с применением всех мер воздействия предусмотренных программой, утвержденной руководством. В случае, если арестованный одумается и вновь признает себя

¹ В тексте повтор слова «следствия».

² К сожалению, прокуратура имеет право только знакомиться, но не вмешиваться и не протестовать, когда видит, что творится беззаконие и произвол – *Прим. И.А. Маханова*.

³ Кстати, в этой тюрьме карцер почему то назывался немецким, может быть, потому, что по бесчеловечности не знает себе равных – *Прим. И.А. Маханова*.

⁴ Скорее всего, имеется в виду поселок Большевик в Серпуховском районе Московской области.

⁵ Осведомленность Соколова относительно наставлений Березовского меня удивила, и я подумал о том, что может быть Березовский прав, что в камере есть подслушивающие аппараты – *Прим. И.А. Маханова*.

⁶ Два слова написаны над строкой.

виновным, Вы имеете право «усиленный допрос» приостановить. Я покидаю Вас, а Вы, следовательно, приступайте к работе.

Соколов ушел, и мы остались одни. Цветаев с хмурым и сердитым выражением лица рассматривал какие-то документы, лежавшие перед ним. Это была, вероятно, программа «усиленного допроса».

Цветаев:

– Арестованный Маханов, я бы не хотел подвергать Вас «усиленному допросу», но Вы сами избрали этот путь, очень тяжелый, и ничего Вам не дающий, кроме страданий. Уж не думаете ли Вы, что Вашим отказам рассчитываете выйти на свободу. Заверяю Вас, как Ваш земляк ленинградец, что теперь и, вероятно, навсегда Вам свободы не видать. Из этой тюрьмы на свободу не выходят, если не считать за свободу смерть. Бывают иногда весьма¹ редкие случаи возвращения со следствия на свободу, но тогда им не показывают таких тюрем, как эта. Хоть Вас уже мой непосредственный начальник и предупредил об усиленном допросе, я все же обязан Вас еще раз предупредить об этом, и спрашиваю Вас, может быть, Вы возьмете обратно Ваш отказ, и программу «усиленных допросов» приводить не будем. Отвечайте?

Я ответил, это обратно свой отказ не беру.

Цветаев²:

– Ну, хорошо, тогда мы оформим начало «усиленного допроса» протоколом.

Цветаев записал в протокол, что арестованный Маханов поставлен в известность, что будет еще раз подвергнут «усиленному допросу», ввиду отказа от своего предварительного признания виновности, данного следователю Родос.

Цветаев:

– Арестованный, прочтите протокол и подпишите.

Я прочитал и заявил, что протокол в этом виде не подпишу, так как в нем не сказано какими мерами истязания Родос получил это предварительное признание.

Цветаев:

– Ах, так, тогда это еще более ухудшает Ваше положение, арестованный. В таком случае я приступаю к проведению «усиленного допроса» без Вашей подписи на первом протоколе. Вас сейчас отведут в немецкий карцер и будут Вас держать там до тех пор, пока Вы не признаете себя виновным.

Цветаев нажал на кнопку звонка и приказал вошедшим надзирателям³:

– Отведите арестованного в немецкий карцер.

Надзиратели, как звери, на меня набросились и скрутили мне руки за спину, опасаясь моего сопротивления. Вели меня по подземным коридорам очень долго и спустились по лестнице глубоко под землю, приблизительно метров на 20–30 и, наконец, привели к палачу в белом халате и в капюшоне с прорезьями для глаз⁴. Надзиратели удалились. Я остался один на один с верзилой в белом саване. Я делал вид, что нисколько не боюсь, но в душе «скребли кошки». Недаром Березовский говорил о немецком карцере сталинской тюрьмы Сухановка, как о чем-то сверхбесчеловечном.

Мои мысли и душевные переживания были прерваны хриплым голосом верзилы в белом:

– Арестованный, раздевайся догола!

При этом я получил такую затрещину⁵, что у меня помутилось в глазах, и я не в состоянии был не только раздеваться, но даже твердо держаться на ногах. Я опустил на бетонный пол и стал снимать с себя свои жалкие лохмотья.

Наконец я разделся и остался сидеть на полу в чем мать родила. Верзила открыл железную дверь в бетонный мешок, взял меня своими огромными лапами антропоида и, как перышко, перенес и посадил на гладкий пол бетонного мешка. Дверь с лязгом закрылась, и все стихло.

¹ Одно слово написано над строкой.

² Перед этим словом зачеркнуто «тогда».

³ Два слова написаны над строкой.

⁴ Этот маскарад, очевидно, [был] рассчитан на слабовольных – Прим. И.А. Маханова.

⁵ В тексте добавлено: «по затылку».

Сидя на полу, я обследовал своим взором бетонный мешок, в основании размером 0,75 м х 0,75 м, и стал искать характерных признаков, оправдавших его именование «немецкий карцер». Единственное, что я почувствовал, но не увидел, что в карцере было довольно холодно, но терпимо, если не придаешь никакого значения простуде и болезням, находясь в таком безнадежном положении.

Сидя на полу, я вспомнил своего папу¹, умершего членом ВКП(б) в возрасте 65 лет в полном неведении о печальной судьбе своего сына – члена ВКП(б) с 1917 г., участника Октябрьского переворота и Гражданской войны. [Он] умер внезапно в лодке от разрыва сердечной мышцы за своим любимым занятием – рыбной ловлей на дорожку, и не дождался моего приезда из Ленинграда всего несколько часов. [Он] считал, что его сын, окончивший с отличием Артиллерийскую инженерную академию РККА имени Дзержинского, и назначенный начальником Артиллерийского опытно-конструкторского отдела такого всемирно известного завода как Путиловский, заслужил своим активным участием в революции лучшую долю, чем доля отца! Умирая, он был² счастлив за судьбу своего сына. Если бы он мог видеть трагический и печальный конец своего детища, он бы не побоялся заявить Сталину свой гневный и уничтожающий протест против истязания потомственного пролетария и большевика. Почему отцы детей и дети отцов не вспыхнули³ гневом и не уничтожили чудовище?! Вместо гнева было слышно только раболепство:

– Великий Сталин, отец родной, корифей науки!

[В то время, как]⁴ это[т] просто жалкий, рябой, сухорукий уродец, в котором было втиснуто столько злобы, жестокости и мерзостей, что даже не уместилось бы во всех тиранах, каки[е] были за всю историю человечества! Какая жалкая трагедия народа, давшего миру⁵ таких гигантов мысли и гуманизма, как [В.И.] Ленин, Л.Н. Толстой⁶, [Ф.М.] Достоевский⁷, [М.] Горький⁸, [И.Е.] Репин⁹, [П.И.] Чайковский¹⁰, [М.П.] Мусоргский¹¹ и другие – бесконечный ряд; народа, свершившего Октябрьский переворот под руководством Ленина и 40 000 героев-большевиков, изгнавшего с территории России интервентов и белогвардейцев, и ставшего парализованным пассивным свидетелем, как этот тщедушный шакал терзает и истребляет все лучшее, что вырастил и воспитал Ильич!!!

Вспомнил я и мою маму¹², которая была еще жива, и, вероятно, ужасное известие, что ее сынок в тюрьме той страны, за счастье которой он отдал все свои юношеские и молодые годы, дошло до нее¹³, и поразит ее насмерть. Бедная мама! Ее заплаканное милое лицо, как живое встало передо мной с укором для меня. Она была верующая в Бога и, умирая, молилась за своего грешного мужа и сына, неверующих в Бога!

Да, этому чудовищу, которого рабы называли Великим Отцом, Корифеем, нет другого имени, как Исчадь Ада, Сатана!

Наконец, я почувствовал, что в этом бетонном мешке становится все холоднее и холоднее, и на стенах и на полу я увидел иней и догадался, что меня хотят заморозить.

¹ Маханов Абрам Петрович работал мастером на ткацкой фабрике в г. Кинешме, умер от сердечного приступа на рыбалке вскоре после ареста сына.

² Два слова написаны над строкой.

³ Далее добавлено «уничтожающим».

⁴ В тексте вместо этого: «Когда...»

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – один из наиболее известных русских писателей-романистов и мыслителей.

⁷ Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – выдающийся русский писатель и мыслитель.

⁸ Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936) – один из наиболее известных русских и советских писателей.

⁹ Репин Илья Ефимович (1844–1930) – русский художник, выдающийся представитель реализма в живописи.

¹⁰ Чайковский Петр Ильич (1840–1893) – выдающийся русский композитор, представитель музыкального романтизма, педагог и дирижер.

¹¹ Мусоргский Модест Петрович (1839–1881) – выдающийся русский композитор, последовательно воспевавший в своем творчестве национальные черты.

¹² О судьбе матери И.А. Маханова ничего неизвестно.

¹³ Она жила в провинции – Прим. И.А. Маханова.

Мобилизовав все свои силы, я поднялся на ноги и стал сначала топтаться на месте, а потом темп и амплитуду прыжков все увеличивал, но согреться не мог, так как иней становился все толще, пока вся внутренняя поверхность бетонного мешка не покрылась толстым слоем снега.

Выбившись из сил, я грохнулся на пол и потерял сознание. Очнувшись и пришел в себя только когда почувствовал, что полулежу в какой-то луже. Оказывается, что снежный покров весь растаял, мешок наполнился водой, и я принимаю ванну. Не успел я как следует выкупаться, как уровень¹ воды стал² быстро понижаться, и мне не дали насладиться купанием. Температура в мешке стала резко повышаться, мне стало сначала тепло, потом жарко и, наконец, пол бетонного мешка стал настолько горячим, что мое голое тело стало³ обжигаться, бетон раскалился. Я встал на ноги. Подошвы моих ног уже не выдерживали прикосновения раскаленного бетона. Поневоле пришлось делать очень быстрые прыжки на максимальную высоту, чтобы сократить время прикасания подошв к раскаленному полу. Пот катился по моему телу ручьями, я чувствовал, что изнемогаю, выбиваюсь из сил, чтобы не поджариться. Почувствовал головокружение и впал в бессознательное состояние. Холодный душ привел меня в чувство, и я стал дышать нормально.

Усевшись на пол, я стал обдумывать, что же будет дальше, и стоит ли переносить муки и страдания. Ради кого и ради чего? Ради того, чтобы на рабском положении работать в лагере или в ОКБ на этих палачей. Но потом подумал, что ради сына, которого любил безумно, стоит страдать и мучиться. Я уже приготовился к следующим арктическим и тропическим сеансам в этом бетонном мешке, чувствуя, как опять стала резко падать температура, собрался с силами, встал и начал свой спасательный танец. Вдруг слышу, железная дверь лязгнула, открылась, и верзила все в том же маскарадном халате схватил меня за руки и вытащил из мешка:

– Одевайся, контрик! – прохрипел верзила. – Ишь, как тебя пробрало жарой и холодом. Трясешься, как осиновый лист!

Я с большими трудностями, так как меня трясло, как эпилептика, надел свои лохмотья. Верзила позвал надзирателей. Они увели меня прямо в кабинет Цветаева. Там сидел за письменным столом все тот же майор госбезопасности Соколов и рядом стоял Цветаев.

Когда меня ввели в кабинет, и я опустился на стул арестованного, по команде:

– Садись!

Меня все еще трясло, как в лихорадке. Соколов и Цветаев расхохотались при виде меня и сказали:

– Ну и герой, перенес немецкий карцер и не попросил пощады. Силен враг народа!

Соколов⁴:

– Ну как, будем продолжать арктические и тропические танцы в немецком карцере или довольно? Может быть, лучше будем составлять протоколы допроса о Вашей вражеской деятельности? Несчастный контрик, пора раскаяться и разоружиться. Арестованный Маханов, последний раз Вас предупреждаю: давайте показания о Вашей заговорщической вражеской деятельности, или Вас снова отправим в немецкий карцер!

Я ответил, что считаю себя невиновным и предпочитаю подохнуть в этом карцере на радость Вам, палачам.

Соколов:

– Ишь Вы, какой закоренелый вражище, а еще не раскаивается. Отведите его опять в немецкий карцер, а то его затрясет лихорадка, пусть он там погрется.

Меня повели, но к моему изумлению, меня привели в мою одиночную камеру в б[ывшем] монашеском доме. Там меня ожидала знакомая мне медсестра, с помощью которой я разделся, лег на откидную крышку постельного приспособления и, подвергнувшись процедурному лечению, незаметно заснул.

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово написано над зачеркнутым словом.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

Сколько проспал, не помню, но проснулся, очевидно, только на следующий день. Через некоторое время пришла медсестра, напоила меня лекарствами и крепким куриным бульоном. И этим закончился курс лечения от последствий немецкого карцера.

На следующий день я уже был переведен на тюремный рацион¹, и никаких признаков простуды. В процессе испытаний, каким подвергся мой организм, я убедился, что обладаю идеально здоровым сердцем², и вообще крепким здоровьем. Убедился я также в том, что в здоровом организме в момент тяжелого испытания его происходит мобилизация всех жизненных ресурсов, как бы всплеск, их направляющий для противодействия внешним действующим на него силам и условиям. Только такими кумулятивными свойствами человеческого организма и можно объяснить такую невероятную выносливость при испытаниях его в самых зверских условиях.

Наступило лето 1940 г. Я совершенно оправился от некоторой моральной подавленности, которая естественно появилась под влиянием «усиленного допроса» начатого Соколовым и Цветаевым. С последним, до применения немецкого карцера в отношении меня, я связывал наступление некоторого смягчения в ходе моего следствия. Немецкий карцер стер это впечатление, но не совсем. Вспомнив наставления Березовского и, будучи большим оптимистом, я пришел к заключению, что немецкий карцер был средством устрашения для проверки устойчивости и твердости позиций арестованного. В этом, как оказалось потом, я не ошибался.

Вскоре после немецкого карцера меня вызвали на допрос. На этот раз за письменным столом сидел следователь Цветаев. В его глазах я не обнаружил ничего враждебного по отношению ко мне. Это еще более настроило меня оптимистически.

Цветаев:

– Арестованный Маханов, подпишите наш первый протокол допроса, с тем добавлением, которого Вы просили.

Я прочитал первый протокол и в душе ликовал от сознания, что немецкий карцер прошел даром. В протоколе было записано «что предварительное признание виновности арестованный дал после “усиленного допроса” с применением физического и морального воздействий на арестованного». Я был полностью удовлетворен, подписал протокол, и еще раз с благодарностью вспомнил Березовского. Как я уже отметил³, наступило лето 1940 г. Окно в кабинете Цветаева было открыто настежь. Я с наслаждением вдыхал сосновый воздух. Было очень тепло. Цветаев был одет по-летнему в одной рубашке и белых брюках. Наступление теплой летней погоды совпало с некоторым потеплением в следствии.

В течение июня и июля месяцев было составлено множество протоколов допросов (десятки). При составлении каждого протокола Цветаев пытался, при расследовании моей работы на Кировском заводе⁴ использовать факты и события, связанные с дефектами в моих опытных образцах нового артиллерийского вооружения, и записать в протокол их как акты вредительства по директивам Тухачевского, и тем самым как бы вернуться к моему признанию виновности. Я был непреклонен и соглашался, как максимум виновности, записать в протокол, что все эти дефекты в опытных образцах были следствие недостаточного опыта и знаний в этом, как со стороны моей, так и со стороны моих помощников и всего конструкторского коллектива. Когда я отказывался записать, так как хотелось следствию с тенденцией на тухачевщину (как следователи называли), тогда начинался процесс физического воздействия – ничего похожего на физическое воздействие Родоса. В том случае, если мы были один на один с Цветаевым, то это физическое воздействие делалось для вида, а если кто-нибудь из следователей или начальства в этот момент заходил в кабинет, то Цветаев начинал по-настоящему бить меня, но все же далеко не так, как это было при Родосе.

¹ «Баландэус» – так называли заключенные первое блюдо и каша – Прим. И.А. Маханова.

² Мнение тюремного врача, после родосовского истязания в начале пребывания в Сухановке – Прим. И.А. Маханова.

³ В тексте добавлено «что».

⁴ Бывший Путиловский – Прим. И.А. Маханова.

Все следователи сами находились под постоянным наблюдением других следователей¹, и в случае мягкого отношения к подследственному, они попадали в «наше положение», или их увольняли с занесением в черные списки².

Так продолжалось до конца августа, когда Цветаев объявил мне, что в основном следствие закончено, но чтобы я не строил никаких иллюзий относительно моего выхода на свободу, базируясь на том, что протоколы допросов записаны с отрицанием предъявленного к Вам обвинения в участии в шпионско-заговорщической деятельности Тухачевского:

– Кроме протоколов допроса в нашем досье есть документы, свидетельствующие о Вашем участии в антиправительственном заговоре и шпионаже. За время моего отпуска Вас вызывать не будут, а от замнаркома Влодзимирского Вы будете получать поручение по консультации и изучению некоторых вопросов конструкторского порядка через начальника тюрьмы капитана Ионова. Могу также объявить, что [по] всем Вашим однодельцам (Васильев, Корб, Макулов, Амелькович, Добряков) следствия закончены. Васильев и Макулов³ признали [себя] виновными в шпионаже и военном заговоре. Седьмой одноделец – Андрей Иванович Волынкин до окончания следствия⁴ [не дожил] и умер от язвы желудка в тюремной больнице в Бутырках. Макулов и Амелькович находятся с Вами вместе в Сухановке, но в других камерах, а Корб, Васильев и Добряков – в Бутырской тюрьме в общих камерах. Металлург Баранов из Вашего дела изъят, и обвинение его переквалифицировано с политического (ст. 58) на бытовое. Он уже осужден судом на малый срок. Вероятно, скоро будет на свободе. Мне звонил начальник тюрьмы Ионов, спрашивал разрешение на передачу вещей, присланных Вам бывшей женой. Я разрешил все вещи передать Вам. Может быть, перед самым отъездом я еще наведаюсь к Вам. Тут у меня еще есть контрики вроде Вас, с которыми мне придется возиться после отпуска. Для отдыха еду в Ленинград на дачу под Ленинградом. Передать Ленинграду привет от контрика Маханова?

Я сказал, что очень тронут его великодушием и прошу передать любимому городу самый пламенный привет. Когда я сказал тронут, он в испуге приставил палец к своим губам, и я понял, что рассыпаться в благодарности к нему очень опасно для его следовательской репутации. Итак, мы расстались, если не как друзья, то, во всяком случае, в добром расположении к друг к другу. Когда меня привели в камеру, на столе я нашел целую грудку вещей, а именно: роскошное демисезонное пальто табачного цвета, очень теплое, из английского сукна, заграничный костюм, ботинки на каучуковой подошве, летнее заграничное пальто, белье⁵, и много-много всяких вещей из больших заграничных чемоданов. Я тут же сбросил свои лохмотья и оделся во все новое.

Из двухмесячного периода допросов с отрицанием виновности, проводимых Цветаевым, вспоминается один эпизод, заслуживающий внимания. Был один такой день, когда Цветаев, хотя меня и вызвал на допрос, но не допрашивал, а все время отлучался из кабинета (тогда со мной сидел надзиратель), а если и сидел в кабинете, то к нему непрерывно заходили другие следователи, и они целый день «шушукались» с уха на ухо, не зная, что у арестованных, долго сидящих в одиночных камерах, изощенный слух. Так, если я находился в камере, и по стенкам раздавалось перестукивание по азбуке Морзе, то я четко слышал каждый отдельный стук, а надзиратель в коридоре никогда ничего не слышал, даже если он заходил при этом в камеру. Этот изощенный слух позволил улавливать некоторые слова, и даже смысл их перешептываний. Оказывается, что в этот день⁶ «в кабинете наркома»⁷ заседала Военная коллегия Верховного Суда СССР по делу бывшего их⁸ наркома Николая Ивановича Ежова, и поэтому в этот день собрались все следователи, чтобы на него посмотреть, когда его приведут, и когда уведут. Какая ирония судьбы. Судят бывшего

¹ Друг на друга, как говорится, «капали», то есть доносили – Прим. И.А. Маханова.

² Это значит, никуда не поступишь на работу, кроме самой грязной – Прим. И.А. Маханова.

³ В тексте добавлено: закончили следствие.

⁴ В тексте: не закончил следствие.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Такой кабинет был в Сухановской тюрьме во втором этаже среди кабинетов следователей – Прим. И.А. Маханова.

⁸ Слово вписано над строкой.

наркома в его бывшем кабинете, где он когда-то восседал, как всесильный владыка, и повелевал судьбой и жизнями, в прошлом¹ таких великанов большевизма, и после смерти Ленина – соратников Сталина в борьбе с Троцким, как Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин и прочих, разошедшихся со Сталиным в 30-х годах. Это он, Ежов, давал команду и установки следственной части НКВД «выбивать» из этих людей не расхождения с генеральной линией партии, они итак² были очевидны, а шпионаж и заговоры. Этим людям, за которых [Н.К.] Крупская и [М.И.] Ульянова валялись в ногах у Сталина, вымаливая смягчения приговора, тоже судили в этом кабинете, но тогда он был ежовским. Теперь его очередь наступила, и это естественно – история тому порукой.

Всевышний повелитель решил расправиться со всеми ленинскими кадрами, военными и гражданскими, считая их неподходящими, так как они были ленинскими и всегда могли сравнивать его с Лениным и говорить, что при Ленине было не так, а этак. Березовский как бывший прокурор по надзору за органами следствия, и арестованный по делу Ежова, говорил мне, что если бы Ежов не заколебался при расправе с настоящими ленинскими кадрами, которые не участвовали ни в какой оппозиции, то не потребовался бы новый палач ему на смену – Берия – и не были бы арестованы работники аппарата Ежова вроде Березовского, исполнители воли Ежова.

Наконец, из шушуканий следователей я уловил, что суд закончен и объявлен приговор бывшему наркому – высшая мера наказания – расстрел, и что вот-вот его выведут из кабинета и поведут в подвал. Все следователи, очевидно, выскочили из своих кабинетов в коридор, и Цветаев тоже. Я расслышал слова, кем-то сказанные за дверью в коридоре:

– Повели!

Через несколько минут Цветаев и двое других следователей (один из них по фамилии Шишкин³) вошли в кабинет и уже без шушуканья стали говорить:

– Его нельзя было узнать, так он сильно изменился – кожа да кости, одна тень!

Вот и весь эпизод.

С уходом в отпуск моего следователя Цветаева (конец лета 1940 г.) я безысходно находился в своей одиночной камере, предоставленный сам себе. Один день был в точности похож на другой, при той абсолютной изоляции от внешнего мира, какая принята в Сухановке. Поэтому, если находиться в одиночной⁴ камере целый год, то с точки зрения впечатлений это будет похоже на один день. Но один день в одиночной камере тюрьмы Сухановка кажется очень длинным, тягучим. Все, чем мог я разнообразить свой длинный день, это без конца ходить по крошечной камере из угла в угол, подобно зверю, запертому в клетке, но в отличие от бедных животных зоопарков, этот зверь, именуемый «контриком», имеет способность мыслить, фантазировать, погружаться в воспоминания и грезы. Когда начальник тюрьмы капитан Ионов приносил мне от Влодзимирского конструкторские и технологические задания на разработку или отзыв, то я набрасывался на эти поручения с жадностью голодного волка, и в ущерб себе же очень быстро выполнял эти поручения и вновь оставался без дела. В промежутки между этими радостными событиями, которые, к сожалению, были очень длительными (месяцы), так было тягостно и грустно, что я от нечего делать стал вспоминать уроки по перестукиванию на азбуке Морзе, которые мне давал Боговой Иван Васильевич⁵, и, конечно, все восстановил в памяти. Я стал осторожно перестукиваться с соседями, а через них и с другими арестованными, сидящими в одиночных камерах. Перестукиванием я обнаружил, что в одной из камер сидят двое мальчиков – дети⁶ Нестора Лакобы¹ – популярного революционера-большевика, которого хорошо знал Ленин.

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Шишкин В.П. – следователь, младший лейтенант государственной безопасности.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Боговой Иван Васильевич (1896–?) – советский партийный деятель, журналист. Заместитель главного редактора газеты «Правды». Арестован, осужден к 20 годам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован в 1956 г.

⁶ В действительности в Сухановской тюрьме сидели сын и племянник Н. Лакобы. Оба были расстреляны.

Нестор Лакоба был главой правительства Абхазии и всеми любимым вождем абхазского народа. Еще до моего ареста было известно, что между Сталиным и Лакобой возникли разногласия и ссоры. Лакоба протестовал против репрессий, которые Сталин, не считаясь с Лакобой², проводил в Абхазии. [Он был] против желания Сталина слить Абхазию с Грузией, хотя с точки зрения этнографической и языковой между этими народами не было ничего общего. Тогда Сталин, уловив удобный момент, арестовал Лакобу, обвинил его в желании присоединить Абхазию к Турции и в турецком шпионаже³. Нестора Лакобу – верного ленинца – постигла печальная участь – его расстреляли⁴.

Так вот эти два мальчика – два сына Нестора Лакобы – находились тоже в Сухановке. По их рассказам перестукиванием вся родня Лакобы, его друзья и соратники по Абхазии арестованы, а в Абхазию приехали для управления этим народом грузины.

Подобные же расправы проведены Сталиным и в других республиках Кавказа, в частности, был арестован известный деятель Кавказа Калмыков⁵, а в Армении первый секретарь ЦК тов[арищ] Ханджян без суда и следствия был застрелен Берией. Эта политика Сталина приводила не к объединению народов Кавказа, а, наоборот, к разъединению, к росту национализма и шовинизма, вспышка которых⁶ имела место в начале Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы ворвались на Кавказ.

Так шли дни, недели, месяцы. Закончился 1940 г., и время стало отсчитывать дни, недели, месяцы 1941 г. Казалось, что обо мне совершенно забыли – перестали поступать поручения от Влодзимирского, и 1941 г. проходил в страшном одиночестве, тоске и бесконечных хождениях из угла в угол в одиночной камере. В конце июня 1941 г. произошло какое-то большое событие, так как в мою камеру пришли надзиратели и завесили все окно черным, совершенно светонепроницаемым занавесом. Что-то произошло.

В конце июня же вдруг меня вызвали на допрос. Цветаев дал мне ознакомиться с моим следственным делом, и когда я закончил изучение, он поставил меня в известность:

– В ближайшие дни Вас ознакомят с обвинительным заключением следствия, и Вы предстанете перед судом Военной Коллегии Верховного суда СССР. Не считаясь с протоколами допроса, где Вы отказались от предварительного признания своей виновности, Вам следствие предъявляет обвинение как участнику военного заговора, и в шпионаже. Следствие будет требовать для Вас лично высшей меры наказания. Вот, Иван Абрамович (впервые он так меня назвал) все складывается не так, как Вы рассчитывали, и даже не так, как я ожидал, ввиду особых чрезвычайных обстоятельств, о которых я Вам не имею права говорить, но перед судом Вы все узнаете. Прощайте Иван Абрамович, не поминайте лихом!

Так мы расстались. Меня увели в мою одиночную камеру, где долго раздумывая над теми чрезвычайными обстоятельствами, о которых говорил Цветаев, я пришел к заключению, что, очевидно, началась не малая, а большая война, и черный занавес в моей камере может означать не что иное, как светомаскировку от налетов авиации.

С наступлением первых чисел июля, по ночам я слышал орудийные залпы, и по темпу стрельбы догадался, что это стреляют зенитные пушки обр[азца] 1931 г. 76,2-мм калибра. Значит, на Москву летят и бомбят вражеские самолеты. Кто же враг, напавший на нашу Родину? Мне уже не трудно было угадать, что это может быть только гитлеровская Германия, вероломно напавшая на нас. Как и следовало ожидать, что договор о дружбе (с кем – Гитлером!), о ненападении был ничем иным, как стратегическим непрямым ударом

¹ Лакоба Нестор (Чнагу) Аполлонович (Чичуевич) (1893–1936) – советский государственный деятель, председатель СНК и ЦИК Абхазской АССР.

² Слово вписано над строкой.

³ Два слова написаны над зачеркнутыми словами.

⁴ По некоторым данным, его отравили – *Прим. И.А. Маханова*.

⁵ Калмыков Бетал Эдыкович (1893–1940) – революционер, советский государственный и партийный деятель Кабардино-Балкарии, один из организаторов и руководителей борьбы горцев за Советскую власть на Северном Кавказе. С 1930 г. первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б). Арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1954 г.

⁶ Два слова написаны над зачеркнутыми словом.

и завесой для внезапного нападения. Вот «мудрость» Сталина, которого Гитлер обманул, как только ему хотелось. Посмотрим, что будет дальше. Если меня расстреляют, то все будущее нашей революции для меня закроется полным мраком небытия, а если оставят жить, то надо, как-то включиться на защиту пролетарского государства Ленина и завоеваний революции.

6 июля 1941 г., рано утром, еще до рассвета, меня разбудили, и в камеру вошел начальник тюрьмы капитан Ионов и дал мне прочитать обвинительное заключение, что я обвиняюсь в участии в военном заговоре и шпионаже в пользу Германии и предаюсь суду Военной коллегии Верховного суда СССР по ст. 58 §§ 6 и 7 Уголовного кодекса. Следствие требует применения в отношении обвиняемых Ивана Абрамовича Маханова и Николая Петровича Васильева высшей меры наказания, а в отношении Макулова, Амельковича, Корба и Добрякова тюремного заключения – к 25 годам и 5 годам поражения прав. Я расписался, что ознакомлен с обвинительным заключением. Капитан Ионов сказал:

– Маханов, не падайте духом. Даже в случае высшей меры наказания Вы имеете все шансы на помилование со стороны Верховного Совета. Просите о помиловании. Прощайте, Вас сейчас привезут в Москву, в Бутырскую тюрьму, где заседает Военная коллегия.

Действительно, буквально через несколько минут открылась с лязгом дверь камеры, вошел надзиратель и сказал:

– Соберись с вещами, и как можно скорее!

Через несколько минут меня повели через двор к тому единственному маленькому зданию, которое выстроено Сталиным, к так называемому приемнику. У этого здания уже стоял «черный ворон». Меня в приемник не завели, а прямо посадили в машину, и опять [я] оказался в тесной коробочке, где одному даже стоять тесно, и вдруг смотрю, в эту коробочку затискивают еще одного арестованного, и довольно солидного по размерам. Как мы вписались в эту коробочку, трудно представить себе. Чудом каким-то. Естественно, что уже через несколько минут нам нечем было дышать, так было мало воздуха. К тому же надо учесть, что это было не зимой, а в середине лета – 6 июля 1941 г. Стало так жарко, что мы оба скоро купались в собственном поту.

Моим «визави» оказался старый большевик, член ВКП(б) с дореволюционным стажем, бывший рабочий Путиловского завода, один из тех выдвинутых-путиловцев, которых волна революции подняла на большую высоту. Фамилии этого товарища путиловца я не запомнил, так как мы были вместе только в течение одного часа езды из Сухановки в Бутырку. Запомнил, что его товарищами по заводу и по Гражданской войне были товарищи Иван Иванович Газа¹, [Николай Павлович] Комаров и [Семен Семенович] Лобов.

– К своему счастью, – сказал путиловец, – Газа умер от туберкулеза раньше, чем Сталин начал истреблять большевистские кадры. Комаров был наркомом коммунального хозяйства, а Лобов наркомом лесной промышленности, и оба посажены. Судьба их неизвестна, но, по-видимому, расстреляны. В отличие от Комарова и Лобова, [я] был назначен Центральным комитетом партии еще в годы НЭПа работать на дипломатическом поприще. В последние годы до ареста в 1939 г. работал в Лондоне, в советской торговой организации «Аркос»². Обвинен в шпионаже как завербованный сотрудник «Интеллидженс сервис». Пришлось дать показания, что являюсь шпионом, так как меня били, пытали, мучили, и я решил, что лучше уж умереть, но обидно, что приходится погибать с таким позорным клеймом и не от рук врагов, а людей, представляющих ту власть, за которую боролся всю жизнь с юных лет.

Я ему посоветовал, чтобы он отказался на суде от своих показаний. Не знаю, какая участь постигла его. Вскоре «черный ворон» въехал во двор огромной тюрьмы с огромными тюремными корпусами. Ходили слухи, что в эти годы в Бутырке³ одновременно содержалось до 30 000 арестованных. И вот я впервые вступил на асфальтированный двор Центральной

¹ Газа Иван Иванович (1894–1933) – советский политический и военный деятель. Член ЦКК ВКП(б), секретарь Ленинградского горкома ВКП(б).

² АРКОС (Arcos, All Russian Cooperative Society Limited) – Всероссийское кооперативное акционерное общество). советская хозяйственная организация в Великобритании.

³ Бутырская тюрьма НКВД СССР. В то время емкость – 3500 мест, штат – 1184 сотрудника

тюрьмы столицы. Когда мы прощались, он уже знал, что я тоже путиловец, но советского поколения, и оба, растроганные до слез, пожелали друг другу удачи. На прощанье он сказал:

– Когда будете на свободе, вспомните о старом путиловце, замученном в Сухановке!

Благодарности

Выражаем благодарность Станиславу Ивановичу Маханову – сыну Ивана Абрамовича Маханова за то, что, несмотря на непростые отношения с отцом, он сохранил рукопись его воспоминаний и разрешил нам сделать их достоянием читателей.

Литература

Берия, 1935 – *Берия Л.П.* К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на Тифлисском партактиве 21–22 июля 1935 г. Ростов-на-Дону: Гостипография Коминтерна, 1935. 287 с.

Жертвы политического террора – Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/index5.htm> (дата обращения: 26.11.2015).

Лиддел Гарт, 1957 – *Лиддел Гарт Б.Х.* Стратегия не прямых действий. М.: Иностранная литература, 1957. 560 с.

Лубянка 1917–1960, 1997 – Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник. М.: МФД, 1997. 352 с.

Черушев Н., Черушев Ю., 2012 – *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012. 496 с.

References

Beriya, 1935 – *Beriya L.P.* (1935). K voprosu ob istorii bol'shevistskikh organizatsiy v Zakavkaz'ye [To the question of the history of Bolshevik organizations in Transcaucasia]. Report on the Tiflis Party activist July 21–22, 1935]. Rostov-on-Don: State Comintern printing house, 287 p. [in Russian]

Zhertvy politicheskogo terrora – Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR [Victims of Political Terror in the USSR]. URL: <http://lists.memo.ru/index5.htm> (accessed on: November, 26, 2015). [in Russian]

Liddel Gart, 1957 – *Liddel Gart B.H.* (1957). Strategiya ne pryamykh deystviy [The strategy of not direct actions]. Moscow: Inostrannaya literatura, 560 p. [in Russian]

Lubyanka 1917–1960, 1997 – Lubyanka. VCHK – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB. 1917–1960 [Lubyanka. VCHK – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB. 1917-1960]. Directory. Moscow: MFD, 1997. 352 p. [in Russian]

Cherushev, Cherushev, 2012 – *Cherushev N.S., Cherushev Y.N.* (2012). Rasstrelyannaya elita RKKa (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im ravnyye). 1937–1941 [The executed elite of the Red Army (the commanders of the 1st and 2nd ranks, the corps, the commanders and their equals). 1937–1941]. Biographical Dictionary. Moscow: Kuchkovo pole; Megapolis, 496 p. [in Russian]

В Сухановской тюрьме. Из воспоминаний И.А. Маханова. Часть 2

Подготовка к публикации и вступительная статья

Игорь Олегович Тюменцев ^{a, *}

^a Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tjumencev@mail.ru (И.О. Тюменцев)

Комментарии
Александр Дмитриевич Вяткин ^b

^b Свободный исследователь

Аннотация. В статье впервые опубликован фрагмент тюремных воспоминаний главного конструктора артиллерийских вооружений Кировского завода И.А. Маханова. Мемуарист до последнего времени считался погибшим в сталинских застенках, но, как оказалось, он не только выжил, но и подробно описал свою тюремную одиссею. Убежденный большевик-ленинец из поколения «детей революции», он смог получить хорошее образование, занял одну из ключевых должностей в ВПК СССР, был вхож в высшие эшелоны власти Советской России. Благодаря доступу к информации, в том числе и секретной, он судил о событиях происходящих в стране не понаслышке. Публикуемый фрагмент дает представление о характере его воспоминаний и описывает пребывание И.А. Маханова в Сухановской тюрьме, о которой до сегодняшнего дня почти ничего не известно.

Ключевые слова: сталинизм, военно-промышленный комплекс, характер репрессий, дело М. Тухачевского, порядки в Сухановской тюрьме, встречи с репрессированными.